

ЛЬГОТНЫЙ ДЕНЬ

Тот, кто хорошо учился в вечерней школе, получал «льготную справку». Она давала возможность брать на работе дополнительный выходной раз в неделю с сохранением половины зарплаты. В начале первой четверти справку выдавали всем ученикам без исключения, а дальше по успеваемости. Поэтому всю зиму приходилось посещать вечернюю школу и даже учиться, так чтобы в конце четверти не было двоек.

Получив желанную справку в начале последней четверти, мы дружно завязывали с учёбой и бросали школу, предоставляя учителям самим решать проблему перевода нас в следующий класс по результатам трех четвертей. Остаться на второй год было даже выгодно – легче учиться.

Я всегда брал дополнительный выходной день в среду. Однажды, появившись в четверг на работе, я вдруг обнаружил, что мой сверлильный станок увешан свежевывкрашенными табличками, предупреждающими об опасности. Сверху, где были шкивы ременной передачи и переключалась скорость вращения шпинделя, появился новый жестяной кожух, окрашенный красным цветом. Таблички предупреждали меня, чтобы я не совался во вращающиеся части станка, не притрагивался к оголенным проводам и работал в очках.

В мастерскую влетел мой приятель токарь Сашка и рассказал, что вчера, когда меня не было, завгару понадобилось срочно просверлить отверстие в резиновой подушке для его личной легковой машины. Вызвался слесарь-инструментальщик, но сверло застряло в резине и подушку вырвало из рук. Тогда завгар, сам наблюдавший за этим делом, посоветовал увеличить обороты, и инструментальщик полез перекидывать ремни с одного шкива на другой. Шпиндель еще вращался, но инструментальщику было невтерпех и он, подцепив пальцем движущийся трапециевидный ремень, хотел перебросить его на шкив меньшего диаметра, не дожидаясь остановки мотора. Раздался пронзительный вопль и инструментальщик остался без фаланги на указательном пальце.

Подняв кверху руку, чтобы остановить хлеставшую из раны кровь, он помчался в конторку завгара, где на стене в фанерном ящике с красным крестом находилась аптечка первой помощи. Аптечка оказалась пустая, если не считать двух замызганных граненых стаканов, которые начальствующий состав использовал в неустанной профилактической борьбе с острыми респираторными заболеваниями. Сразу снарядили машину и отправили инструментальщика в больницу, где ему и наложили швы. В мастерской появился разъяренный инженер по технике безопасности Пал Палыч. Он в пух и прах раскритиковал технику безопасности на моём рабочем месте. Распекая начальника мастерской, Полкан ткнул шваброй за верстак, где валялся всякий металлический хлам, и наткнулся на оголенные электрические провода силового тока, торчавшие из распределительной коробки. Раздался треск и блеснула вспышка короткого замыкания. Инженер шарахнулся в сторону. От сознания того, что он запросто чуть не лишился жизни, Полкан пришел в ярость. Фальцетом, выкрикнув короткое ругательство, инженер по технике безопасности покинул мастерскую.

По его приказу жестянщики сделали кожух вокруг ременной передачи, а электрик привел в порядок щиток силового тока. Полкан обзвонил своих коллег по технике безопасности в других автоколоннах и те, с миру по нитке, поделились разными предупреждающими табличками,

которые в изобилии украсили моё рабочее место. Круче всего смотрелась жестяная табличка с надписью: «Не влезай! Убьёт!», прибитая к стене почти под самым потолком. На ней был изображен череп и скрещенные белые молнии. Только непонятно было, какой дурак просто так полезет на пустую стену, да еще за тем, чтобы быть убитым.

Сашка уселся на табуретку перед станком и стал аккуратно пришивать к спине своего халата только что найденную крупную пуговицу от женского пальто. На халате у Сашки уж красовалось несколько сотен разнокалиберных пуговиц. У токаря была страсть: если он находил пуговицу, то немедленно пришивал её к своему халату на свободное место – про запас. Потом это стало его хобби. Все знакомые приносили ему найденные пуговицы, и он терпеливо пришивал их к своему халату. В конце концов токарь стал достопримечательностью гаража. На его халате не осталось живого места – одни пуговицы, и Сашка смотрелся в нем, как покрытая чешуей змея.

– Сейчас начальство даст тебе прикурить, – ухмыльнулся Сашка, наблюдая, как я ищу спички, чтобы закурить.

– Почему курим в помещении? – грозно рыкнул Полкан, неожиданно появившись в дверях. За ним маячила фигура долговязого завгара.

Я ничего не ответил и только сделал вид, что выпускаю изо рта невидимый дым.

– Курить можно только в специально отведенных для этого местах, – на всякий случай сообщил Полкан, разглядев, что сигарета у меня не зажженная. – Ну, рассказывайте, – обратился он ко мне и тряхнул густой седой шевелюрой, напоминающей судейский парик, – почему вы содержите станок в таком безобразном состоянии.

– Какой станок? – удивился я.

– Ваш станок! – заорал рассердившийся Полкан.

– Я автослесарь второго разряда и гаечные ключи за мной числятся, а станок не припоминаю. Вот, спросите у завгара.

– Но это ваше рабочее место? – еле сдерживая ярость, уже тише спросил Полкан.

– Да, мое. Я тут как политический ссыльный, отбываю срок за призывы к забастовке. Конечно, если по инструкции нельзя работать на сверлильном станке без сдачи техминимума, то я вообще больше к нему не подойду!

Это с моей стороны была уже угроза, но крыть начальству было нечем. Завгар свирепо посмотрел на меня и грозно произнес нечто среднее между «ну» и «му».

– Пал Палыч, всё будет в порядке, – вмешался в конфликт начальник мастерской, – он всё уберет и завтра придет сдавать техминимум.

Удовлетворенное начальство покинуло мастерскую, и через несколько минут громовой рык Полкана уже доносился от агрегатчиков. Он призывал их курить только в специально отведенных для этого местах!

Я не собирался сдавать техминимум и решил использовать сложившуюся ситуацию, чтобы покинуть опостылевшую мастерскую, вернуться в родную ремзону к ребятам, где холодно, грязно, тяжело, но весело и интересно. Начальник мастерской попытался уговорить меня, сдать техминимум по фрезерному и сверлильному станкам, но я отказался. Зная мой упрямый характер, мастер отстал и приказал убрать мусор за верстаком. Я взял совок, метлу и начал выгребать разный хлам, который лежал там еще до моего появления в мастерской. Вдруг из грязи показался жуткий

фиолетовый обрубок человеческого пальца. Я поднял его и немедленно показал Сашке. Он от неожиданности шарахнулся в сторону и чуть не угодил во вращающийся патрон токарного станка.

Такая мощная реакция меня удивила. Было совершенно непонятно, чего бояться мертвого пальца – в глаз он не ткнет и не укусит. Я помчался в ремзону. В главном боксе мне навстречу попался Витюня. Увидев палец, он рванул от меня прочь и чуть не сбил с ног агрегатчика. Перед воротами нашего бокса на солнышке стоял завгар, облокотившись о выпуклое крыло старого ЗИЛа, и разговаривал с главным механиком Бабой Шурой. В кармане спецовки у меня всегда лежали заранее заполненные бланки требований для получения со склада тормозных накладок на тот случай, если завгар заставлял меня в таком месте, где я не должен был находиться. Я тут же доставал требование, смело подходил к завгару и говорил: «Вот вы где, а я вас по всему гаражу ищу. Подпишите требование, а то накладки закончились».

Я смело подошел к завгару и протянул требование на подпись. Завгар оживленно беседовал с Бабой Шурой о какой-то ерунде и не обращал на меня внимания, отыгрываясь за мое заявление в мастерской. Наконец, он изволил заметить мое присутствие и недовольно спросил:

– Ну, чего тебе?

Я молча протянул бумажку.

Завгар взял требование и на крыле машины его подписал.

– И вот здесь, – я достал второе требование на сверла и пока он подписывал, незаметно опустил отрезанный палец инструментальщика в карман куртки завгара.

В боксе я сообщил пацанам моей бывшей бригады, что сейчас кое-что произойдет. Мы забрались наверх, чтобы сквозь грязные стёкла окна над воротами наблюдать представление. Как раз напротив завгар разговаривал с механиком. Все напряженно ждали. Наконец, завгар полез за папиросами, достал пачку и, почувствовав в кармане какой-то посторонний предмет, снова сунул руку в карман. Несколько секунд они с механиком с недоумением разглядывали палец, силясь понять, что же это такое.

Сначала мы даже не поняли, кто из них заорал первым Му-Му или Баба Шура, но потом стало ясно, что визжал завгар. Он отбросил скрюченный палец и брезгливо вытер ладонь о куртку механика.

После обеда я стоял в конторке перед столом завгара. Му-Му внимательно читал мое заявление на имя начальника автоколонны с просьбой перевести меня из мастерской в ремзону. Ему надо было поставить свою резолюцию и он был весь в сомнениях. Это благодаря ему меня сослали в мастерскую, и сейчас он понимал, что меня там больше не удержат.

– Не буду подписывать, – завгар швырнул мне заявление назад.

– Тогда, напишите, что не согласны.

– Ничего не буду писать, – сердито отрезал завгар. – Это ты мне палец в карман подложил?

Изобразить на лице естественное удивление – совсем не простая задача, но я с ней успешно справился и поинтересовался:

– Какой палец?

– Инструментальщика.

– Это тот, который вчера отрезало? Так меня же на работе не было.

– Не крути, знаю что ты, больше некому.

– Может, вы сами вчера случайно положили... в суматохе?

– Не надо делать из меня идиота, – рассердился завгар.

Я отправился на прием к директору и заявил, что к сверлильному и фрезерному станкам больше не подойду и техминимум сдавать не буду. Меня перевели в ремзону. Чтобы сделать мне хоть какую-нибудь гадость, завгар сказал, что будет решать две недели, в какой бригаде я буду работать, чтобы меньше нанести вреда гаражу. А пока, чтобы окончательно подчеркнуть мою ненужность в этом мире, мне было велено отремонтировать на улице самосвал, приготовленный на сдачу в металлолом.

О такой работе я просто мечтал. Один, никто тебе не указывает, не подгоняет, не поучает. Я отбуксировал самосвал на задний двор, поставил его на сухой асфальт, где сошел снег, и начал перебирать подвеску.

Стояла ранняя весна. С полей доносился запах оттаявшей земли. В душе у меня по-весеннему все звенело и, лежа под машиной, я распевал арии из опер.

Завгар не уследил за моей работой. Воспользовавшись его отсутствием, я выписал на складе несколько новых деталей для самосвала, а несколько заменил из своего запаса. Когда подошел срок, я лихо тормознул перед конторкой и пригласил завгара принять работу. В конторе в этот момент кроме завгара находился главный механик Баба Шура и начальники первой и второй колонн. Они осмотрели машину, и каждый на ней прокатился. Все пришли к заключению, что теперь такую машину грех списывать, ее любая колонна возьмет с удовольствием.

Завгар произнес свое любимое «ну, ну», но меня даже не похвалил. Да, мне не очень-то и хотелось.